

• криминализация экономики (84% «новых русских» открыто признают, что их капиталы нажиты в обход закона¹).

По мнению А. Володина, «эта люмпен-буржуазия своим поведением дискредитирует саму идею экономических реформ и косвенно поддерживает в обществе влияние политических сил, выступающих с позиции негативного популизма».

В целом в развитии российской модернизации к концу 1992 года обозначился вариант, известный как латиноамериканский. Страны этой модели, развиваясь на рыночной основе и вовлекаясь в мирохозяйственные связи, занимают в них нишу, определяемую «правилами игры», которые задаются наиболее развитыми индустриальными странами. Российская ниша в этом случае – экспорт сырья, в первую очередь нефти и газа, различных сортов металла. Все иные отрасли, в том числе наукоемкие, образование и наука оказываются невостребованными и обреченными на прозябание.

Социальная структура общества латиноамериканской модели исполнена острых и неустранимых контрастов. Процветает узкий слой торгово-ростовщического и банковского капитала, а также срастающееся с ним коррумпированное чиновничество. Подавляющее большинство общества с низким уровнем образования и сознанием, детерминированным стандартами рыночной массовой культуры, состоит из бедных слоев. Средний класс практически отсутствует. Политическая демократия в таком обществе зыбка, ибо, как свидетельствует мировой опыт, ее надежной основой может быть только мощный средний класс, составляющий не менее половины общества. В странах латиноамериканской модели, как правило, устанавливается авторитарный режим, в лучшем случае обставленный демократическими учреждениями.

ОБРАЗ ХРИСТИАНСКОГО СМИРЕНИЯ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО «БРАТЯ КАРАМАЗОВЫ» И «ПРЕСТУПЛЕНИЕ И НАКАЗАНИЕ»

Липич Т.И.,
доктор философских наук;
Бережная Д.Э.
(НИУ «БелГУ»)

Величайшая заслуга Достоевского как писателя-психолога состоит в том, что он не только сам познал свое падение, смирился и пришел через труднейшую борьбу к истинной вере во Христа, как и говорил о себе: «Не как мальчик же я верую во Христа и Его исповедую, а через большое горнило сомнений моя

¹ Согрин В.В. Политическая история современной России 1985-2001 гг. от Горбачева до Путина. - М., 2001. С. 125.

осанна прошла»¹, — но и в том, что в необычайно яркой, сильной, глубокой художественной форме раскрыл миру этот путь души. Достоевский как бы еще раз благовествовал миру христианство, и так, как, по-видимому, никто из светских писателей еще ни до, ни после него не сделал.

В смирении видит Достоевский основу для нравственного возрождения человека и для принятия его Богом и людьми. Без смирения не может быть исправления, в котором нуждаются все без исключения живущие, ибо во всех присутствует зло и великое зло. «Если б только, — говорит Достоевский устами князя в "Униженных и оскорбленных", — могло быть (чего, впрочем, по человеческой натуре никогда быть не может), если б могло быть, чтобы каждый из нас описал всю свою подноготную, но так, чтобы не побоялся изложить не только то, что он боится сказать и ни за что не скажет людям, не только то, что он боится сказать своим лучшим друзьям, но даже и то, в чем боится подчас признаться самому себе, — то ведь на свете поднялся бы тогда такой смрад, что нам бы всем надо было задохнуться»².

Потому-то везде и всюду, если не прямо словом, то всей изображаемой жизнью героя, его падениями и восстаниями Достоевский призывает человека к смирению и труду над самим собой: «Смири свою гордость, гордый человек, поработай на ниве, праздный человек!»³. Смирение не унижает человека, а, напротив, ставит его на твердую почву самопознания, реалистического взгляда на себя, вообще на человека, поскольку смирение и есть тот свет, благодаря которому только человек видит себя таким, каким он является на самом деле. Оно есть свидетельство великого мужества человека, как не убоявшегося встретиться с самым грозным и неумолимым соперником — совестью своей. Для самолюбивого и тщеславного это не под силу. Смирение является твердой основой, солью всех добродетелей. Без него они вырождаются в лицемерие, ханжество, гордыню.

Да и как не смириться тому, кто прямо посмотрит на себя и признается честно самому себе во всем? Эта мысль постоянно звучит в творчестве Достоевского. Она является для него своего рода фундаментом, на котором он строит свой редкий по глубине прозрения психоанализ человека. Отсюда необычайная правда изображения им внутреннего мира человека, сокровенных движений его души, его греха и падения и одновременно глубинной чистоты и святости образа Божия. При этом никогда не чувствуется со стороны автора ни малейшего осуждения самого человека. В уста старца Зосимы Достоевский вкладывает замечательные слова: «Братья, — поучает старец, — не бойтесь греха людей, любите человека и во грехе его, ибо сие уже подобие Божеской любви и есть верх любви на земле... И да не смущает вас грех людей в вашем делании, не бойтесь, что он затрет дело ваше и не даст ему совершиться. Бегите сего уныния... Помни особенно, что не можешь ничьим судьей быть. Ибо не может быть на земле судьи преступника, прежде чем сам судья не познает, что он та-

¹ Соловьев В. Вторая речь в память Достоевского // Сочинения: в 2-х т. Т. 2. — М., 1988. С. 174.

² Достоевский Ф. М. Униженные и оскорбленные // Время. 1861. Т. II. № 4. С. 615.

³ Достоевский Ф. М. Сочинения. — СПб., 1911. Т. 2. С. 469.

кой же точно преступник, как и стоящий перед ним, и что он-то за преступление стоящего перед ним, может, прежде всех виноват»¹.

Но познать-то это не так просто. Далеко не многие способны увидеть себя, «что и он такой же точно преступник». Большинство мнят себя в общем-то хорошими. Именно потому и мир так плох. Те же, которые становятся способными увидеть, что «все виноваты за всех», увидеть личную свою преступность перед внутренним законом правды и раскаиваются, – глубоко преображаются, потому что начинают видеть в себе Божью правду, Бога.

Да и что значит пред Богом все дела человеческие! Все они не более, как «луковка», о которой Грушенька говорит Алеше («Братья Карамазовы»): «Всего-то я луковку какую-нибудь во всю жизнь мою подала, всего только на мне и есть добродетели». То же самое говорит Алеше во сне и его праведный старец Зосима, удостоившийся чести быть на брачном пире Господнем. Старец подошел к Алеше и говорит ему: «Тоже, милый, тоже зван, зван и призван. Веселимся. Я луковку подал, вот и я здесь. И многие здесь только по луковке подали, по одной только маленькой луковке... Что наши дела?». Это состояние – действительно состояние евангельского мытаря, вышедшего из храма, по слову Самого Господа, оправданным.

Подобное же настроение мы видим и у пьяницы Мармеладова («Преступление и наказание»), когда он говорит о Страшном суде Божиим: «И всех рассудит и простит, и добрых и злых, и премудрых и смиренных... И когда уже кончит над всеми, тогда возглаголет и к нам: "Выходите, скажет, и вы! Выходите пьяненькие, выходите слабенькие, выходите соромники!". И мы выйдем все, не стыдясь, и станем. И скажет: "Свиньи вы! Образа звериного и печати его; но приидите и вы!". И возглаголят премудрые, возглаголят разумные: "Господи! Почто сих приемлешь?". И скажет: "Потому их приемлю, премудрые, потому их приемлю, разумные, что ни один из сих сам не считал себя достойным сего"... И прострет к нам руци Свои, и мы припадем... и заплачем... и все пойдем! Тогда все пойдем!... и все поймут». Так изумительно переложил Достоевский начало и основу евангельского учения о спасении – «Блаженны нищие духом, яко тех есть Царство Небесное» – на язык современности: «потому что ни единый из сих сам не считал себя достойным сего»².

Только на этой незыблемой основе «нищеты духа» возможно достижение и цели христианской жизни – любви. Ее утверждает Евангелие как закон жизни: только в ней обещает оно благо, счастье человека и человечества. Эта любовь как сила исцеляющая, возрождающая и проповедуется Достоевским во всех, можно сказать, произведениях, к ней зовет он людей.

Не о романтической, конечно, любви идет речь. Любовь Достоевского – это жалость того же князя Мышкина к ударившему его купцу Рогожину, это сострадание к страждущему телом и душой ближнему, неосуждение его: «Братья, не бойтесь греха людей, любите человека и во грехе его».

¹ Егоров В.Н. Ценностные приоритеты Ф.М. Достоевского: учебное пособие, 1994. С. 48.

² Белов С.В. Роман Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание»: комментарий. - 2-е изд. / под ред. Д.С. Лихачёва. - М., 1985. С. 245.

Вспомним заключительную сцену из «Братьев Карамазовых», когда Ракидин, семинарист, зло радуясь, приводит Алешу к Грушеньке, надеясь увидеть позор праведника. Но позора не случилось. Напротив, Грушенька была потрясена чистой любовью-состраданием к ней Алеши. Все дурное враз исчезло у нее, когда она увидела это. «Не знаю я, – говорила она Ракидину, – не ведаю, ничего не ведаю, что он мне такое сказал, сердцу сказалось, сердце он мне перевернул... Пожалел он меня первый, единый, вот что! Зачем ты, херувим, не приходил прежде, обратилась она к Алеше, упав перед ним на колени, как бы в исступлении. – Я всю жизнь такого, как ты, ждала, знала, что кто-то такой придет и меня простит. Верила, что и меня кто-то полюбит, гадкую, не за один только срам!». "Что я тебе такого сделал, – умиленно улыбаясь, ответил Алеша, – нагнувшись к ней и взяв ее за руки, – луковку я тебе подал, одну самую малую луковку, только, только!". И, проговорив, сам заплакал»¹.

Достоевский показал со всей силой своего таланта, что живет Бог в человеке, живет в человеке добро, несмотря на всю ту «наносную грязь», которой покрывает он себя. Хотя и не ангел человек по жизни своей, но и не злобное он животное по своей сущности. Он именно образ Божий, но падший. Потому Достоевский и не произносит суда над грешником, что видит в нем искру Божию, как залог его восстания и спасения.

ФОРМИРОВАНИЕ ТРАДИЦИОННЫХ РОССИЙСКИХ ЦЕННОСТЕЙ КАК ФАКТОР ДУХОВНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ МОЛОДЕЖИ

Мозговая Е.И.,
кандидат философских наук
(НИУ «БелГУ»)

Кардинальные изменения, происходящие в России, вызывают необходимость обращения к общенациональным российским ценностям, что объективно востребовано потребностями развития общества, и не случайно интерес к ним с каждым годом имеет тенденцию к возрастанию. Процесс формирования ценностных установок у молодого поколения обусловлен сложившейся экономической, политической и социальной ситуацией в нашей стране, и от того, какие ценности будут доминировать, зависит ее будущее.

Анализ встречающихся точек зрения, при освещении проблемы определения общенациональных российских ценностей, показывает отсутствие единого подхода в его трактовке и, следовательно, в осмыслении его значимости. Это понятие, по мнению некоторых авторов (Г.П. Федотов, Б.А. Федулов) конкретно и исторически обосновано, по мнению других (В.А. Тишков, Е.П. Крупник), неузнаваемо перекрывается другими ценностями и понятиями по самым различным,

¹ Там же.